

НАТАЛЬЯ СТЕЛЬМАК ШЕЙБНЕР¹

НАРРАТИВНОСТЬ В МЫСЛИ И ДЕЙСТВИИ

Абстракт

Философские дебаты о Нарративности сосредоточены на нарративах, то есть историях, которые мы можем рассказывать или не рассказывать о себе, а не на ментальном процессе, в котором мы участвуем, создавая эти нарративы. Однако при создании нарративов ключевое значение имеет процесс, а не результат. Способность нашего ума определять форму — или процесс поиска связности во времени я называю Нарративностью. В этой статье я рассмотрю конкретные доводы Луи-са Минка, Артура Данто и Аристотеля о ценности нарративов и продолжу их рассуждения, показывая, как они подтверждают мое убеждение, что Нарративность, благодаря которой мы создаем нарративы, нам свойственна от природы. Использование языка в обсуждении повседневных действий и переживаний показывает необходимость нарративного процесса как ментального компонента для нашей умственной деятельности. Посредством Нарративности мы осмысливаем наш жизненный опыт и можем быть задействованы в длительных проектах, даже если эти проекты требуют постоянного пересмотра сопровождающего их нарратива.

Ключевые слова

¹ Наталья Стельмак Шейбнер — Аспирантура Городского Университета Нью-Йорка, доктор философских наук, преподаёт в Сити- Колледже Нью-Йорка, США, nsschabner@gmail.com

Нарративность, нарратив, нарративные мышление, апперцепция, универсалии, история, поэзия, Аристотель, Артур Данто, Гелен Стросон, действие, умственное формообразование.

Философские дебаты о Нарративности сосредоточены на нарративах, историях которые мы можем рассказывать или не рассказывать о себе, а не на ментальном процессе, в котором мы участвуем, создавая эти нарративы. Однако при создании нарративов ключевое значение имеет процесс, а не результат. Мой аргумент заключается в том, что наше употребление языка даже в обсуждении бытовых повседневных действий и переживаний показывает, как существенен этот процесс для нашей ментальной жизни. Обычно термин «нарративность» используется в широком смысле, обозначая качества и характеристики, которые свойственны нарративам. Поэтому в использовании термин относится к чему-то вне наших переживаний, обладающему свойствами нарратива. Я предлагаю добавить новое определение Нарративности (далее с заглавной буквы, чтобы отличить этот термин от других смысловых значений), конкретно обозначающее тенденцию нашего ума определять форму — и искать связность во времени. Я считаю, что существенной особенностью нашего ума является способность создавать нарративы. Посредством Нарративности мы осмысливаем наш жизненный опыт и можем быть задействованы в длительных проектах, даже если эти проекты требуют постоянного пересмотра сопровождающего их нарратива.

Ряд философов утверждают, что создание нарративов не является составляющей нашего ментального процесса. Гелен Стросон, например, исключает нарративную составляющую в таких элементарных краткосрочных проектах как приготовление кофе. Однако же я покажу, что, хотя такие действия как приготовление кофе, могут быть тривиальны, они не бессмысленны. Начало любого действия требует нашего проектирования и создания нарратива.

Эта потребность ещё значительнее, когда действие — составляющая проекта.

Я также рассмотрю конкретные доводы Луиса Минка, Артура Данто и Аристотеля о ценности нарративов и продолжу их рассуждения, показывая, как они подтверждают моё убеждение, что Нарративность, благодаря которой мы создаем нарративы нам свойственна от природы. Вклад Данто в эту дискуссию особенно ценен, так как он отмечает взаимосвязь между идеей нарратива, с одной стороны, и использованием языка и действиями — с другой.

Я защищаю идею Нарративности как процесса, а не нарратива как содержания. Поэтому сосредоточимся на самом процессе, который нацелен на завершение без необходимости достижения этого завершения. Отдавая приоритет созданным нами нарративам о нас самих и о нашей жизни, мы допускаем ошибку. Более значима Нарративность как ментальный процесс, вовлекающий в создание таких нарративов или поиск формы во времени. Наше Я основано только на временных переживаниях, и поэтому нашему уму свойственна тенденция поиска формы при задействовании в проектах, обуславливающих наши действия. Нарративность является таким поиском формообразования во времени.

Общеизвестно, что Иммануил Кант отстаивал идею того, что существует фундаментальный умственный процесс, который упорядочивает «многообразие» наших ощущений и неотделим от наших переживаний. Кант и другие философы использовали концепцию апперцепции, предшествующую нарративности. Апперцепция осуществляется аналогично поиску формы во времени при жизненных переживаниях. Кант и преемники идеализма считали, что одни сенсорные данные недостаточны для опыта переживаний, так как необходим «синтез многообразия» переживаний в нашем воображении. Гуссерль (Гуссерль, 1964 г.) развивает эту идею, выделяя временные аспекты поиска формы в сознании и показывая, что

она не может сводиться лишь к пассивной, статической форме восприятия.

Луис Минк — один из философов, распознавших важность нарративной модальности мышления, определил «историческое мышление» парадигмой конфигуративного способа понимания. Для Минка историческое понимание происходит при способности увидеть ряд последовательных событий как единое сложное целое в его уникальности. Он считает, что работа историка состоит в способности делать «обзорное суждение», в котором хронологически отдельные события видны как часть целого, и потом выразить это суждение с помощью нарратива. Минк поясняет: «Хотя нарративная форма и ассоциируется для многих со сказками, мифами и развлекательными романами, нарратив — это важнейший когнитивный инструмент, соперничающий только с теорией и метафорой как незаменимыми способами осмысления потока переживаний» (Минк, 1987г.)

Рассуждения Минка о ценности исторического понимания важны для моего проекта, поскольку я усматриваю связь между тем, как функционирует история в качестве нарратива (продукта), и тем, как мы упорядочиваем наши ментальные переживания (процесс) на основе ментальных событий, которые предоставляет память. Мы постоянные «историки субъективности», рассказывающие о переживаниях и оценивающие их, независимо от их краткосрочности. Важно заметить, что этот «важнейший когнитивный инструмент» мы используем не только для понимания нашего прошлого: то, как мы планируем и проектируем себя и наши будущие действия, тоже нужно понимать как нерассказанную или проектируемую историю.

Нарратив является первичной и нередуцируемой формой человеческого понимания, и эта фундаментальная природа нарратива распространяется за пределы «потока переживаний». Например, при изучении математики дети сначала знакомятся с абстрактными понятиями с помо-

щью рассказов, таких как: «Если у Джона три яблока...» Очевидно, что в философии понимание также достигается посредством нарративных техник. Часто понятия успешно разъясняются с помощью нарративных примеров, посредством мысленных экспериментов, а также мифов и литературных диалогов (как в случае Платона) или примеров из литературы и произведений искусства. Подвергая сомнению обоснованность аргумента в споре, мы должны обдумывать возможные сценарии, опровергающие либо подтверждающие его предпосылки, и владеть нарративными когнитивными техниками. Рассмотрение альтернативных или противоречащих примеров в воображении может помочь собеседнику оспорить правдоподобное утверждение его оппонента.

Хроникёр, историк и поэт

Я начну мои доводы о необходимости Нарративности как умственного процесса рассмотрением примера Данто о различии идеального хроникёра и историка (Данто, 1962), в котором он разъясняет, что именно нарративный метод предлагает в дополнение к простому, хотя и законченному, изложению ряда событий без повествовательной причинной связи. Затем я обращусь к дискуссии Аристотеля о истории и поэзии и покажу, каким образом у Аристотеля творческий аспект поэзии со своим потенциалом возможностей переносит поэзию в сферу высшего искусства. На основе этих примеров будет показана необходимость Нарративности.

Идеальный хроникёр (И.Х.) по Данто имеет доступ ко всем событиям и записывает их по мере того, как они случаются, но не способен находить какую-либо взаимосвязь между ними. История не может быть создана идеальным хроникёром, несмотря на то что он является свидетелем всех исторических событий, поскольку в его изложении отсутствует причинная или любая другая связь. Идеальная

хроника, которую он создаёт, остаётся бесформенной. «Некоторая вещь или событие приобретает историческую значимость в силу соотношения с другой вещью или событием, на которых остановился наш интерес или которые мы по каким-либо причинам считаем важными», — утверждает Данто (Данто, 1967). Идеальная хроника не включает в себя указаний на историческую значимость, поскольку она не придаёт историческим деталям большее или меньшее значение. Она состоит из фактов, но так как она не приписывает значимость или смысл событиям, то не включает в себя понимание этих фактов и поэтому не может предоставить нам средство для понимания, которое предоставляет нарратив.

Очевидно то, что наше сознание не функционирует подобным образом. Выбор фактов человеком и приписывание различной степени значимости этим фактам уже по умолчанию предполагают Нарративность. История подразумевает Нарративность и нарративное мышление. В выборе и приписывании важности событиям и фактам мы уже задействуем нашу способность поиска связности. Для выбора события в соответствии с его значимостью это событие должно обладать нетривиальными свойствами, потому как такой выбор подразумевает рассмотрение только тех событий, которым мы уже придаем значение.

Этот подход имеет следствия для вопроса о том, как мы относимся к своему будущему и как мы создаём и исполняем наши проекты. Конечно же, проекты могут быть простыми и краткосрочными, такими как приготовление кофе (пример Галена Стросона), или долгосрочными и открытыми проектами, такими, как выращивание роз (пример, приведённый Данто при изучении нарративных предложений) (Данто, 1962). Данто утверждает, что мы не можем использовать такие проектные глаголы, как выращивание роз без предъявления претензий на будущее. Данто показывает, что нарративные предложения обычно используются в описании действий.

Ноэль Кэрролл выделяет пять критериев того, что в умственном процессе участвует нарративная связь: он должен включать « (1) ...по крайней мере два события и/или состояния дел, (2) быть глобально ориентированным в будущее (3) касаться хотя бы одного субъекта, (4) отношения во времени между событиями и/или состоянием дел должны быть ясно выражены и (5) более ранние события в последовательности должны быть причинно необходимыми условиями последующих событий и/или состояний дел (или содействовать им)» (Кэрролл, 2001, 126). Идеальный хроникёр не удовлетворяет по крайней мере четырьмя из этих пяти критериев за исключением только (1).

Аристотель («Поэтика») продолжает размышление о природе нашего нарративного мышления, утверждая, что поэзия ближе к философии и имеет большее значение для познания, чем история. Для Аристотеля история просто описывает случившееся, а поэзия говорит о том, что может произойти, то есть о том, что, возможно, случится в будущем. Когда Аристотель утверждает, что история построена на фактах, он не имеет в виду, что события представляются не связанными между собой, без интерпретации, независимо от субъективного понимания или вне времени. Он указывает на то, что предметом истории является незаменимый ряд событий. В качестве примера Аристотель указывает на факты Троянской войны: греки ввели войска в Трою, они сражались семь лет, Ахилл убил Гектора, греки победили. Аристотель утверждает, что на основе этих событий мы не можем познать универсалии, а можем лишь только понять определённый ряд событий. Потому он говорит, что история не имеет той познавательной ценности, которая присуща поэзии.

Согласно Аристотелю, поэзия имеет познавательную ценность потому, что она ведёт нас к пониманию универсалий, указывая не на необходимые действия, а на возможные. Когда мы читаем о Троянской войне в поэ-

ме «Илиада» Гомера, Ахилл всё равно убивает Гектора, но в истории это действие необходимо, а в поэме Гомера нет. В «Илиаде» Ахилл и Гектор — персонажи, наделённые личными чертами характера. В Ахилле мы видим персонажа, которым управляет гордость. Гектор наделён добродетельностью, благородством и руководствуется чувством долга к своей семье и к своему городу. Поскольку мы знаем эти характеристики, мы способны абстрактно рассуждать о поступках этих персонажей как типов людей, которые склонны к определённым действиям или определённым высказываниям, а не просто как об индивидуальностях. Именно на основе этих поступков мы изучаем концепции ревности, гордости, добродетели и благородности. Ахилл и Гектор становятся воплощением этих концепций, позволяя нам осознать их.

Рассуждение Аристотеля об эпистемологическом значении поэзии мне представляется важным и глубоким; я считаю, что именно из-за того, что поэзия основана на возможностях, она способна вовлечь в нарративный процесс — в Нарративность. Читатели должны искать причинно-следственные связи в сюжете и постоянно корректировать предыдущие идеи об этих связях и ожиданиях развязки сюжета. Таким образом, мы видим, что Нарративность — это способ понимания.

Действительно, объяснение абстрактных понятий без какого-либо нарративного вовлечения будет проблематичным. Например, чтобы понять понятие любви, мы можем читать «Ромео и Джульетту» и переживать любовь в режиме «как будто». Посредством такой когнитивной вовлечённости или симуляции умственного процесса мы можем лучше понять концепцию, даже если мы имеем дело в таких случаях только с воображаемым опытом, который мы переживаем «как будто». Если описывать эту ситуацию в терминах нейронауки, то можно сказать, что мы таким образом создаём нервные процессы и связи, подобные тем, которые возникают у влюблённых.

Тот факт, что мы постоянно пересматриваем переживаемый опыт, показывает то, что Нарративность является непрерывным стремлением. Как утверждает Данто, большая часть событий ещё не проявила свою причинную силу. Если у нас есть два последовательных события С1 и С2, это не гарантирует, что С1 вызвало С2, так как С2 могло быть вызвано другим, более ранним событием Сх. Фактически Сх может быть любым из предыдущих событий во временном масштабе, которое «просто ещё не разрядило свою причинную силу, а находилось в бездействии все эти столетия как вулкан» При этом важно отметить, что мы приписываем каузальность посредством Нарративности. Без Нарративности нельзя понять каузальность.

Размышления Данто о «бездейственных причинах» можно использовать для анализа умственных переживаний. Например, феномен памяти способен разрядить прошлые переживания в настоящее и в будущее и даже изменить то, как мы проектируем и планируем будущие действия. Мадлен Марселя Пруста является ярким примером произвольной памяти, одной из «бездейственных причин» Данто. Произвольная память подобна случайной исторической находке, такой как найденная фермером античная кость или артефакт, которые приводят антрополога к новому открытию. Аналогичное событие недавно произошло в Северной Европе, когда было открыто ранее неизвестное поле боя, и это привело историков к полной переоценке того, что считалось известным об античном обществе этой местности. На нас произвольная память может повлиять так же, как это открытие, побуждая нас переоценить то, что мы думали, что знали о самих себе или о значении прошлых событий. Подобным образом мы можем видеть новые переживания в свете предшествующих им в памяти, словно мы историки, которые продолжительно исследуют ту же тему и, возможно, так же открыты как к пересмотру её изложения, так и к её защите.

В отличие от историка, идеальный хроникёр не способен изложить события в человечески связном виде, поскольку он не может засвидетельствовать причины в качестве таковых. Данто подчёркивает, что в его мысленном эксперименте работа идеального хроникёра может быть выполнена машиной. Это возможно не только потому, что у хроникёра нет человеческой способности устанавливать причинные связи между прошлыми событиями, но также потому, что он не умеет размышлять и проецировать последствия в будущее. «Вся правда о событии может стать известна впоследствии, и иногда только через длительное время после того, как данное событие произошло», — говорит Данто. Таким образом, Данто намеренно не наделил своего идеального хроникёра способностью смотреть на прошлое с точки зрения будущего. И эта способность — составляющая работы историка. Только будущий историк может сказать, когда началась 30-летняя война — если эта война так называется из-за её длительности.

Раздумывая об идеальной хронике, истории и поэзии, мы можем выделить три уровня знаний. В первом случае мы знаем все факты в ряде событий, но идеальный хроникёр не может установить причинную связь. Я считаю, что для идеального хроникёра недоступно не только свойственное нам ощущение времени но и способность синтеза. Он не может приписывать значимость событиям и синтезировать их общее целое, которое можно назвать рассказом или нарративом.

У историка есть способность синтеза, потому что он создаёт причинную связь между событиями, позволяющую определить уровень их значимости. Историк видит ряд этих событий как рассказ, посредством которого он может осмыслить случившееся, что невозможно для идеального хроникёра. Но опять-таки, согласно Аристотелю, такое осмысление не может привести нас к пониманию универсалий. Однако поэт Аристотеля в поэме о Троянской войне может рассматривать то, что произошло с Еле-

ной, как значимое событие, усматривая форму действия за пределами этого события и таким образом понимая универсалии.

Утверждая, что поэзия обладает более высокой познавательной ценностью, чем история, Аристотель проводит различие между разными нарративами и отдаёт приоритет поэзии, поскольку она приводит нас в состояние поиска формы, в котором достигается осознание универсалий. Таким образом, сила воображения, вовлечённая поэзией, способна поднять нас к платонической сфере форм, где мы способны постигнуть идею, различить возможные образы происходящих событий и изучать персонажей как типы людей, которые склонны к определённым действиям или высказываниям. Простая связанность конкретных фактов в истории для Аристотеля не обладает синтезом за пределами конкретных событий и не превозносит нас в состояние поиска формы и распознавания образов, чего поэзия достигает динамичным и творческим путём.

Нарративность как составляющая языка и действий

Как уже упоминалось, такой предикат, как «быть причиной», не доступен идеальному хроникёру: его язык будет неизбежно ограничен из-за того, что многие термины подразумевают временную связь. Многие глаголы и термины логически требуют, чтобы описываемое событие случилось позднее, чем некоторое другое С1, — такие, как «начался», «предшествовал», «порождал» Многие существительные не кажутся связанными с течением времени, но тем не менее они требуют наличия предшествующих событий — например, «искупление» предполагает, что кто-то каким-то образом провинился, а «смерть» подразумевает жизнь. Таким образом, даже по видимости стационарные термины подразумевают временной контекст и влекут нарративное значение. С другой стороны, все глаголы по крайней мере подразумевают нарратив, так

как они связаны с действиями, которые существуют во времени и включают в себя начало, продолжительность и конец (развязку), даже если начало и конец неочевидны в форме глагола. То, что нарратив является такой основной структурой языка, говорит нам, что он также является и элементарной ментальной структурой.

Данное рассуждение имеет отношение к тому, как мы связаны с будущим. Наблюдая взаимоотношения нарративных предложений и действий, Данто исследует, как он их называет, проектные глаголы — распространённые лингвистические структуры, которые создают связи в конфигурации некоторого множества действий R . Если множество R описывается выражением «сажать розы», то оно может включать в себя удобрение земли ($R1$), вскапывание ($R2$), курение трубки ($R3$), найм экспертов-садоводов ($R4$). Однако вполне может быть, что некто «сажает розы» или задействован в R , даже когда он занимается чем-то иным, не вписывающимся в множество действий $R1—Rn$.

Мы не можем употреблять такие «проектные» глаголы, не предъявляя претензии на будущее. Поскольку идеальный хроникёр не устанавливает причинно-следственных связей, у него не может быть проектов. Если бы мы спросили, что он делает, когда вскапывает клумбу, он бы не смог ответить: «Сажаю розы», так как это проект, который подразумевает ряд причинно связанных действий. Как объясняет Данто, множество R может быть разным в разных случаях, но идеальный хроникёр не может вовлечь себя в R , поскольку он не способен предъявлять претензии на будущее или сопоставлять настоящее поведение с предшествующим событием. Идеальный хроник может быть даже лишён языка действий. Ментальная реальность И.Х. противоположна природе человеческой мысли, которая по своей сути ищет связности.

Когда мы вовлекаем себя во множество действий R , мы предъявляем достаточно слабые претензии на будущее. Человек, который стремится вырастить розы, кото-

рые выигрывают приз, предъявляет более сильные претензии на будущее, однако, если розы по какой-то причине не расцветут, это не сделает ложным утверждение, что человек выращивал их. Я сейчас хочу обратить внимание на процесс или переживание R, а не на полученный результат. Действия, которые входят в состав R, необходимы, но не достаточны для того, чтобы сформировать R. Нужен также процесс, который, как я считаю, показывает необходимость Нарративности в повседневных действиях постольку, поскольку мы участвуем в тех или иных проектах. Можно задать следующий вопрос: вовлекает ли себя в R такой персонаж, как Обломов, когда лежит в своей кровати, мечтает о R и рассказывает своему слуге Захару и друзьям о своих великих планах, но при этом не поднимается с кровати, чтобы физически участвовать хоть в каком-то из этих действий. У Обломова есть Нарративность R и проектирование R, даже если этот нарратив и этот проект не материализуются в действии.

Нарративность присутствует не только в обыденном языке, но и в наших каждодневных действиях. Это подводит меня к скользкому аргументу о том, что вопреки тому, что утверждает Стросон, Нарративность вовлечённая в варку кофе является нетривиальной. Человек может варить кофе каждый день, сначала просто используя кофе, но потом начиная добавлять специи, может быть, корицу сегодня и шоколад завтра, потом смесь этих добавок — до тех пор, пока у него появится целая коллекция рецептов кофе. В один прекрасный день он может решить открыть кофейный магазин. И тогда станет очевидным, что его первое решение исследовать разные способы варки кофе, которые раньше казались ничем иным, как попыткой сделать тривиальный повседневный ритуал менее скучным, оказалось началом сложного и нетривиального проекта. Подобно этому, мы можем увидеть человека, курящего трубку, и сказать, что это тривиально: он просто курит трубку. Однако же данное действие может быть

необходимым фрагментом большего проекта. Даже если это действие, возможно, является паузой для размышления или отдыха, это всё же одно действие из целого множества действий, составляющего этот проект.

На другой стороне спектра находится случай ребёнка, который готовит кофе впервые. Ему нужно осознанно изучить последовательность каждого шага этой процедуры, принимая во внимание их связность. Таким образом, варку кофе можно считать тривиальным примером Нарративности только постольку, поскольку это действие может быть усвоено. Тем не менее, первоначальный нарратив должен быть создан, проверен и сохранён для дальнейших ссылок, иначе проект не будет успешно выполнен. Но Нарративность и в таком случае всё ещё присутствует и может опять всплыть на поверхность. В самом деле, пребывание «в моменте» варки кофе будет значить не просто участие в определённой стадии, а пребывание в этом моменте как составляющей всего процесса — «в моменте» нарратива.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что тривиальность любого действия становится вопросом степени. Очевидно, что каждое переживание, такое, как, например, варка кофе, может привнести значимость в жизнь. Конечно, не всё вписывается в глобальные проекты, но тем не менее тривиальность любого действия не может приписываться по умолчанию любому нашему действию, и рамки Нарративности остаются совершенно субъективными.

Заключение

В чём же состоит взаимосвязь между поэтом Аристотеля, историком Данто и садовником, выращивающим розы? Все они создают нарративы, и то, что их объединяет, — это нарративный процесс, в который они вовлечены: написание стихотворения или исторической работы включают в себя этот процесс. Недостаточность истории

в глазах Аристотеля и идеального хроникёра в глазах Данто демонстрирует уникальную ценность и необходимость нарратива для человеческого понимания. Рассуждение Данто о проектных глаголах показывает, что, используя язык, мы неизбежно предъявляем претензии и строим проекты на будущее, даже если они остаются подсознательными, непризнанными или потенциальными. Широкое употребление таких глаголов указывает на то, что этот вид проектирования является неотъемлемым и необходимым аспектом нашей умственной деятельности и что такое проектирование — это результат Нарративности.

Нарративность как ментальный компонент наших переживаний является необходимым условием выполнения других когнитивных задач, включающих в себя поиск формы и связности во времени, а также поиск смысла в повседневных переживаниях. Нарративность — также ментальный компонент, который активируется, когда мы приступаем как к действиям тривиального характера, таким, как варка кофе, так и к более масштабным проектам. С другой стороны, любое рассуждение о действиях требует обращения к нарративной природе наших переживаний, которая отражается в нашем языке. Лингвистическая необходимость Нарративности распространяется на нашу умственную активность, которая задействована в поиске формы во времени.

Ссылки

Carroll, Noel. «On the Narrative Connection.» in *Beyond Aesthetics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Danto, Arthur C. *Narration and Knowledge*. New York: Columbia University Press, 1985.

Husserl, E. *The phenomenology of internal time-consciousness / Heidegger, M., ed., Churchill, J. S., trans.* Bloomington: Indiana University Press, 1964.

Kant, I. Critique of Pure Reason, Unabridged Edition. Kemp Smith, N., trans.). New York: St. Martin's Press, 1965.

Mink, Louis O. Historical Understanding. Edited by Brian Fay, Eugene O. Golub and

Richard, T. Vann. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.

Proust, M. Remembrance of Things Past. (Moncrieff, S. and Kilmartin, T, trans.) New York: Vintage Books, 1981.

Strawson, Galen. Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics. Oxford: Clarendon Press, 2009.

Strawson, Galen, editor. The Self? Oxford: Blackwell Publishing, 2005. Includes relevant articles by Barry Dainton, Marya Schechtman, Ingmar Persson, Bras C. van Fraassen and Peter van Ingwen, as well as Stawson's «Against Narrativity.»